

Текст · 5 марта 2020, 20:33

Александр Бородихин,

Отлов в карантин. Как мэрия Москвы пытается остановить эпидемию коронавируса с помощью слежки и полиции

Власти Москвы объявили, что вводят в городе «режим повышенной готовности» из-за эпидемии коронавируса. «Медиазона» выяснила, что мэрия уже задействовала некоторые имеющиеся в ее арсенале средства контроля.

Привычный полицейский надзор дополнен новейшей системой тотальной слежки через камеры с распознаванием лиц. За ситуацией лично следит — и при необходимости звонит со своего мобильного — заместительница мэра Анастасия Ракова.

Всем, кто оказался под подозрением, грозит двухнедельная изоляция под строгим полицейско-врачебным присмотром со штрафами для несогласных. «Медиазона» публикует монологи двоих москвичей, для которых карантин стал новым видом домашнего ареста.

Артем

23 февраля в московском аэропорту Внуково приземлился самолет из Милана. Этим рейсом в столицу вернулся Давид Беров — первый россиянин с диагнозом *COVID-19*. В поликлинику с симптомами простуды Беров обратился

27 февраля, его госпитализировали в 1-ю инфекционную клиническую больницу.

2 марта мэр Сергей Собянин сообщил, что в течение суток «был установлен полный круг контактов этого человека»: шестеро родственников и пятеро знакомых Борова были госпитализированы без симптомов заболевания; из числа пассажиров рейса в больницу с легким недомоганием попали 13 человек, еще 83 человека были помещены под домашний карантин. Сам Боров, хоть и не рад такой популярности, описывает свое состояние в инстаграме: у него «долечивают легкий кашель», температуры давно нет.

Одним рейсом с Давидом Боровым в Москву летел 31-летний менеджер по продажам рекламы Артем, попросивший не называть его фамилию.

Мы летели 23 числа из Милана и, судя по всему, летели на одном рейсе с этим парнем, который сейчас везде в новостях. Поэтому весь экипаж, все пассажиры находятся в таком же положении, как и мы — а часть из них где-то там в Коммунарке, домах отдыха и санаториях, про которые говорил Сергей Семенович [Собянин].

У нас [с девушкой] в Милане была пересадка, мы провели там меньше суток. Прилетели 22, вылетали 23 [февраля]. Когда прилетели в Милан, нам проверяли температуру тепловизорами, все было нормально. На следующий день улетели, тоже

все было нормально. Во Внуково никто ничего не проверял, никакого изменения температуры, вообще ничего.

Неделю мы ходили на работу и жили обычной жизнью. В субботу [29 февраля] мне позвонил человек, который представился замглавного врача не помню какой больницы, уточнил все мои данные: там ли я живу, так ли меня зовут и тем ли рейсом я летел. Мы с ним пообщались; через 15 минут у меня была бригада скорой помощи, которая взяла у меня мазки из горла и из носа и выдала мне постановление о карантине, о недопустимости его покидания и об ответственности. Это было 1 марта.

Карантин у меня на неделю, на самом деле — должен быть на две, но неделя прошла с прилета, и там по всем нормам санитарного врача две недели с момента прилета. Неделя уже прошла, и нас до 8 марта засунули в карантин. Видимо, все это сделали одним днем, когда обнаружили у этого парня, Давида, подозрение [на вирус], и начали суетиться по этому поводу.

Девушка моя была в другом городе [в России] в этот момент... вплоть до того, что она мне пишет, что она в поезде, и у нее терялась связь: «Мне вот тут сейчас названивает какая-то женщина, чтобы я надела маску, спрашивает, когда я приеду и когда можно будет взять анализы и выдать постановление [о карантине]». У нее связь прервалась, и они не успели договорить — она просит перезвонить и сказать, что будет в Москве в 8 утра и можно будет приехать и все это сделать. Я перезваниваю, все это говорю и спрашиваю:

«Представьтесь, пожалуйста, с кем я говорю в данный момент». Женщина представилась Раковой^[1]. Личный мобильный номер. Когда я позвонил и сказал, что я по поводу девушки, называл ее имя и фамилию, она в ответ: «О, а вы вот тот-то, судя по всему». Значит, там степень осведомленности была максимальной.

Артем не стал делиться личным номером Анастасии Раковой, но согласился назвать последние три цифры для верификации; на эти три цифры действительно заканчивается мобильный телефон Раковой, подтвердили «Медиазоне» трое журналистов, попросивших не упоминать их имена.

Заместитель мэра по вопросам социального развития Анастасия Ракова в последнее время часто объясняет действия московских властей по предотвращению распространения коронавируса: заместитель мэра по вопросам социального развития сообщала про размещение больных с простудой, прибывших из стран с коронавирусом, в больничном комплексе в Коммунарке; рассказывала про открытие колл-центров для обращения за больничными листами, называла число попавших в центр временного размещения контактировавших с носителями коронавируса в обсервационном центре «Царицыно» и объявляла, что оснований для ограничения массовых мероприятий в Москве пока нет. В указе мэра «О введении режима повышенной готовности» Ракова названа председателем Штаба по мероприятиям по

предупреждению завоза и распространения инфекции, вызванной коронавирусом 2019-nCoV в Москве.

Врачи приехали сначала ко мне 1 марта, к ней — 2 марта. История одинаковая, есть такие истории в интернете. Все безумно вежливо, очень по-доброму, максимально учтиво, с максимальным беспокойством за наше самочувствие, постоянно успокаивают, что все будет хорошо, вы не переживайте. Уровень этой заботы на самом деле даже больше пугал поначалу, чем все остальное.

Дальше, по этому документу, нам должны ежедневно звонить и спрашивать, как наше самочувствие. И вот заведующая соседней поликлиники постоянно звонит, спрашивает, как у нас дела, не поднялась ли температура. Мы отчитываемся, мы дважды в день должны измерять температуру. Отличная женщина, очень приятная. В последний раз она приходила повторный раз брать анализы, когда подтвердилось у [Берова], что это уже не подозрение, а что он прямо заболел. Они приходили в полной химзащите, были скрыты полностью.

Позавчера я пошел вынести мусор: у меня закончилось место, мне некуда больше класть его, он не помещался в мусоропровод никак. В пяти секундах медленного шага от подъезда есть контейнерная площадка, и я пошел к ней. Через пять секунд я уже входил в подъезд — а на следующий день позвонили и спросили, не нарушал ли я чего. Вечером ко мне приехал отличный майор, очень обходительный и

просто удивительно, какой корректный — выглядело очень странно. Выдал мне бумагу, уведомление о недопустимости повторного нарушения, или что-то такое. Причем выдали и мне, и моей девушке, хотя она ничего не нарушала.

Сегодня ко мне приехали два полицейских: этот майор и другой, я его не знаю, они в масках ходят. Они выписали протокол — причем, судя по всему, они его забрали и не выдали мне копию, либо я его потерял. Не могу найти. Выдали протокол по части 1 статьи 19.5 КоАП^[2].

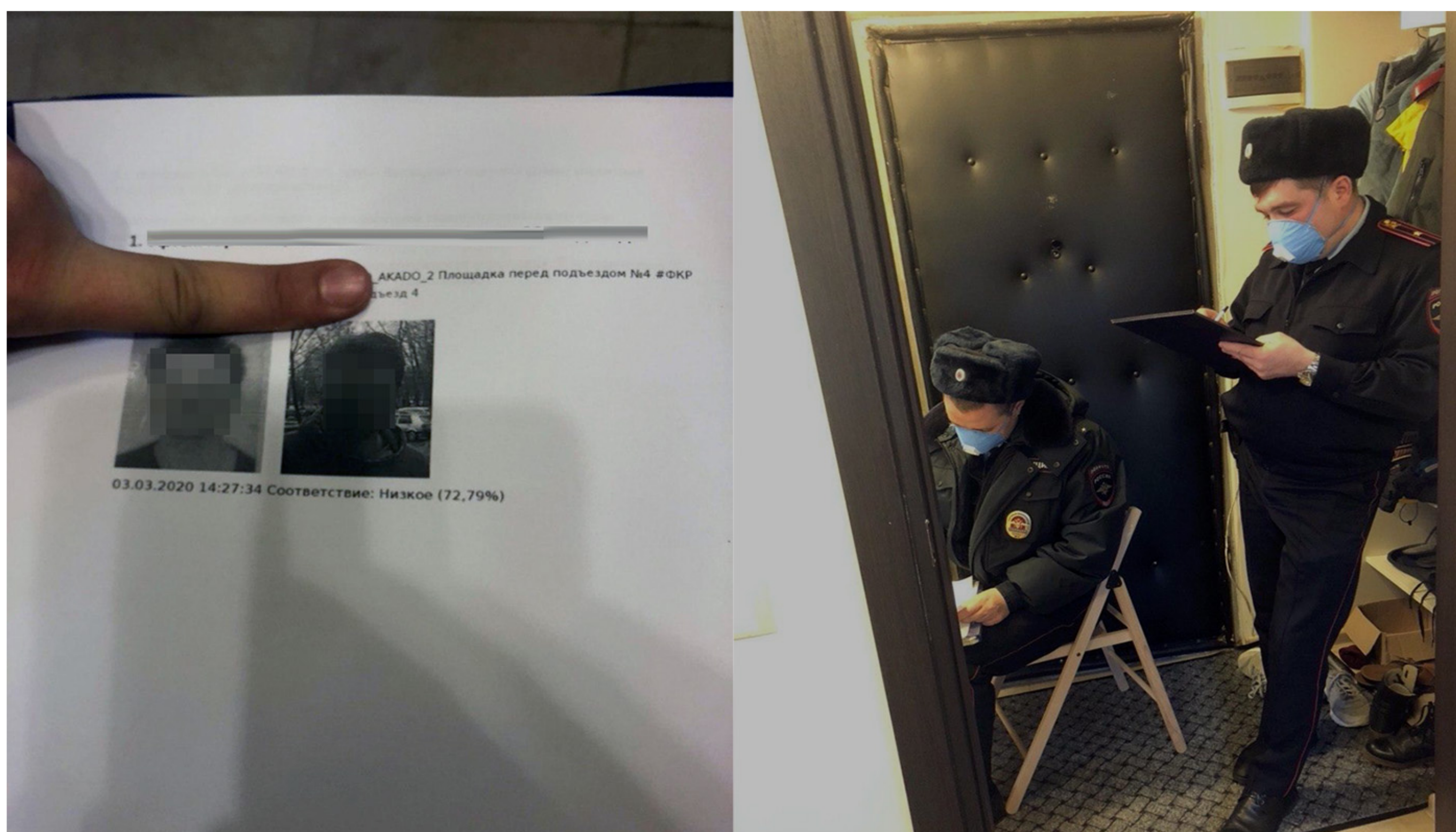
Среди документов, которые сотрудники полиции принесли с собой, оказался лист бумаги с полным именем и адресом Артема, а также с двумя снимками и подписями: «Площадка перед подъездом №4» и «03.03.2020 14:27:34 Соответствие: Низкое (72,79%)». Первый снимок — фотография Артема из заграничного паспорта; второй, по всей видимости, сделан камерой наблюдения подъездного домофона, подключенной к системе распознавания лиц.

В конце февраля мэр Москвы Сергей Собянин объявил, что столичная полиция проводит рейды по местам возможного проживания китайцев; граждан Китая также ищут в метро и наземном транспорте. Также мэр говорил, что система распознавания лиц используется для контроля над «изолированными» китайцами, и приводил в пример случай девушки, которая нарушила

условия карантина и вышла погулять во двор, но там ее заметила камера.

[По поводу документа с распознаванием лиц] сказали, что, если я ничего не путаю, «спустили с Роспотребнадзора» им всю эту информацию, и они ничем таким не занимались. Они говорят, что даже пытались спорить: «Вы там с ума сошли, куда человеку мусор девать». Там были непреклонны, сказали: идите выписывайте протокол. Решение о штрафе будет принимать суд; я написал в протоколе, что не согласен, что у меня была необходимость, больше некуда было складировать [мусор]. Они жалуются на то, что у них времени нет заниматься их остальной работой.

[Доставка продуктов попавшим под карантин] их не волнует, на родственников надеются, наверно. Мы заказывали в службе доставки, и я просил — так как мне нельзя контактировать с третьими лицами — я просил оставить за дверью.

Фотографии сделаны Артемом во время визита полицейских

Катя

За три недели до рейса из Милана в Москве приземлился самолет с туристами, возвращавшимися с китайского острова Хайнань: две студентки запланировали отдохнуть там задолго до начала пандемии коронавируса и теперь возвращались домой. 22-летняя Катя, которая попросила не указывать ее фамилию, не заболела, но последующие недели испытывала жесткий полицейский прессинг, который через месяц после возвращения закончился угрозой выписать штраф за нарушение условий карантина.

«Я в растерянности, совсем не знаю что делать, если они будут на меня давить. Сумма маленькая, 500 рублей, насколько я знаю, но я не хочу позволять им забирать мои деньги только потому, что они могут», — говорит девушка. Она обратилась за помощью в международную правозащитную группу «Агора». В организации подчеркнули, что готовы оказывать правовую помощь россиянам, у которых возникли проблемы с властями из-за коронавируса.

Я студентка четвертого курса Литературного института, параллельно работаю редакторкой музыкального издания. Я со Ставрополя, а здесь, в Москве — для того, чтобы учиться, живу в общежитии.

В Китае я была неделю на каникулах, это был отдых. Мы [с подругой] покупали билеты еще

до того, как стало известно о вирусе, и билеты нельзя было вернуть, поэтому мы решили полететь, несмотря ни на что. Никаких симптомов за все время у нас не было, но отпуск вообще получился ужасный: было очень большое напряжение, СМИ постоянно писали об этом, и мы боялись лишний раз выходить на улицу. Когда мы приехали, все местные были в масках. В аптеках, как мы ни пытались объяснить, нам не продавали ни масок, ни противовирусных препаратов. Позже, когда мы пообщались с англоговорящей китайкой, она нам рассказала, что просто все уже раскупили. Все поездки в город и другие туристические места были закрыты, и поэтому мы только выходили к морю и тусовались на территории отеля.

[3 февраля] мы поехали домой. [В Москве] в самолете сидели около трех или четырех часов, потому что нас всех очень долго проверяли. По несколько человек выводили по очереди забирать анализы: проверяли температуру и брали образцы слизи из рта и носа. После этого все было в порядке, нас отпустили домой.

Если мы не сообщали о симптомах и они не наблюдались, нас спокойно отпускали домой, то есть сначала никакой речи о карантине не было. 14 февраля, как я потом узнала, вышел закон, по которому все, кто прилетел из Китая, в течение двух недель не должны покидать помещение, в котором они живут, и [должны] не контактировать с другими людьми. Мне об этом никто не сообщил.

Симптомов никаких не было. Я наблюдалась у врачини своей, она звонила периодически и просила приходить на осмотры. Я ходила к врачу не по собственному желанию — они мне сами позвонили сразу после возвращения и сказали, что я обязана у них наблюдаться. Она просила меня звонить, как только появятся симптомы, но ничего так и не выявилось. Я активно пила противовирусные [препараты], и сейчас все хорошо.

Я наблюдалась до 15 февраля, и вот в этот день [врачи с сотрудником полиции] без предупреждения пришли, когда меня не было дома. Потом начали звонить и грубо говорили со мной, когда я не соглашалась приехать, потому что я обязана быть дома — а меня никто об этом не предупредил. Они начали на меня кричать и угрожать уголовным наказанием; я очень испугалась.

На следующий день, 16 февраля, они пришли ко мне [в общежитие]: две сотрудницы больницы и один сотрудник полиции. Без предупреждения, без стука вошли ко мне в комнату и... в общем, это было ужасно. Когда мы находимся в комнате, мы не запираем дверь. Я очень боялась, и поэтому я пригласила подругу, чтобы она побыла со мной, и это не мешало врачам сказать, что мне не нужно было выходить из комнаты и ни с кем контактировать. Со мной рядом находилась подруга все это время, но это никак не мешало осматривать меня. Они мне мерили температуру, слушали, проверяли горло — полицейский стоял у меня в комнате. Во время осмотра меня просили раздеваться, но [врачи] просили милиционера, чтобы он уходил за дверь — а потом просили вернуться.

На следующий день пришла другая бригада, они уже постучались — большое спасибо им. Полицейский стоял за дверью. В общем, в самый первый приход была женщина постарше из моей больницы, и она вела себя просто ужасно: они ворвались в комнату и начали хозяйничать; когда она меня осматривала, она достала большой шприц, а я очень сильно боюсь уколов и крови, ситуация меня напугала, и я заплакала — и они начали смеяться надо мной вдвоем. А позже, когда я приходила за справкой, она вспомнила меня и сказала: «О, я вас помню, плакса!».

17 февраля ко мне пришла вторая бригада, которая была повежливее. Когда они ко мне пришли, я находилась на кухне и ходила мимо них без маски, без ничего, а женщина, которая меня осматривала, надевала экипировку из плаща, из маски — только когда я прошла мимо них, она начала одеваться. Они дали мне справку на работу [об окончании карантина] и постановление [о карантине].

Вчера [4 марта] где-то в 11 вечера зашел ко мне сотрудник полиции с комендантом [общегития]. Сначала он был вежлив: спросил, как у меня здоровье, но потом потребовал у меня паспорт, сфотографировал его и сообщил, что мой карантин заканчивается сегодня. Я уже месяц нахожусь в Москве, мои 14 дней карантина прошли. Я ему показала документы, ткнула пальцем, что по закону мой карантин закончился, и я могу свободно передвигаться. Он сказал: «Ну это все фигня» и сказал, что раз вы ходили на улицу, то они придут снова и выпишут мне штраф за то, что я нарушила условия карантина.

И вот я вчера в дикой панике написала в «Агору», не думала, что мне ответят — мы созвонились с юристом и обсудили дальнейшие действия.

Редактор: Дмитрий Трещанин

Обновлено в 1:05 6 марта. Добавлена информация о публичных выступлениях Анастасии Раковой.

Обновлено в 11:55 6 марта. Обновлено должность Раковой.

-
1. Анастасия Ракова — заместитель мэра Москвы по вопросам социального развития.
 2. Невыполнение законного предписания должностного лица, осуществляющего государственный надзор; наказывается штрафом на сумму от 300 до 500 рублей.